

С-280. п.
275111
1837

4

Улья - Гегури

Георгий Мензери.

Александр Прокопенко.

Димитрий Толмачев.

br 25m

1. 25.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00553830

ТОМЪ ЧИСЛЪ КО
ручка Р

pr-1

C-280-n

4

~~32718~~

ИГОРЬ-СЪВЕРЯНИНЪ.

ГЕОРГІЙ ШЕНГЕЛИ.

АЛЕКСАНДРЪ ПРОКОПЕНКО.

ДІОНИСЪ ПОМРЕНИНГЪ.

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1948

ЦЕНТРАЛЬН. НАУЧНО-ИЗДАТ.

~~32718~~

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„L'OISEAU BLEU“ 1947 г. 84 р.

ПЕТРОГРАДЪ

1917.

БИБЛИОТЕКА КДУ

Инв. № 22657

Проверено
ЦНБ 1948

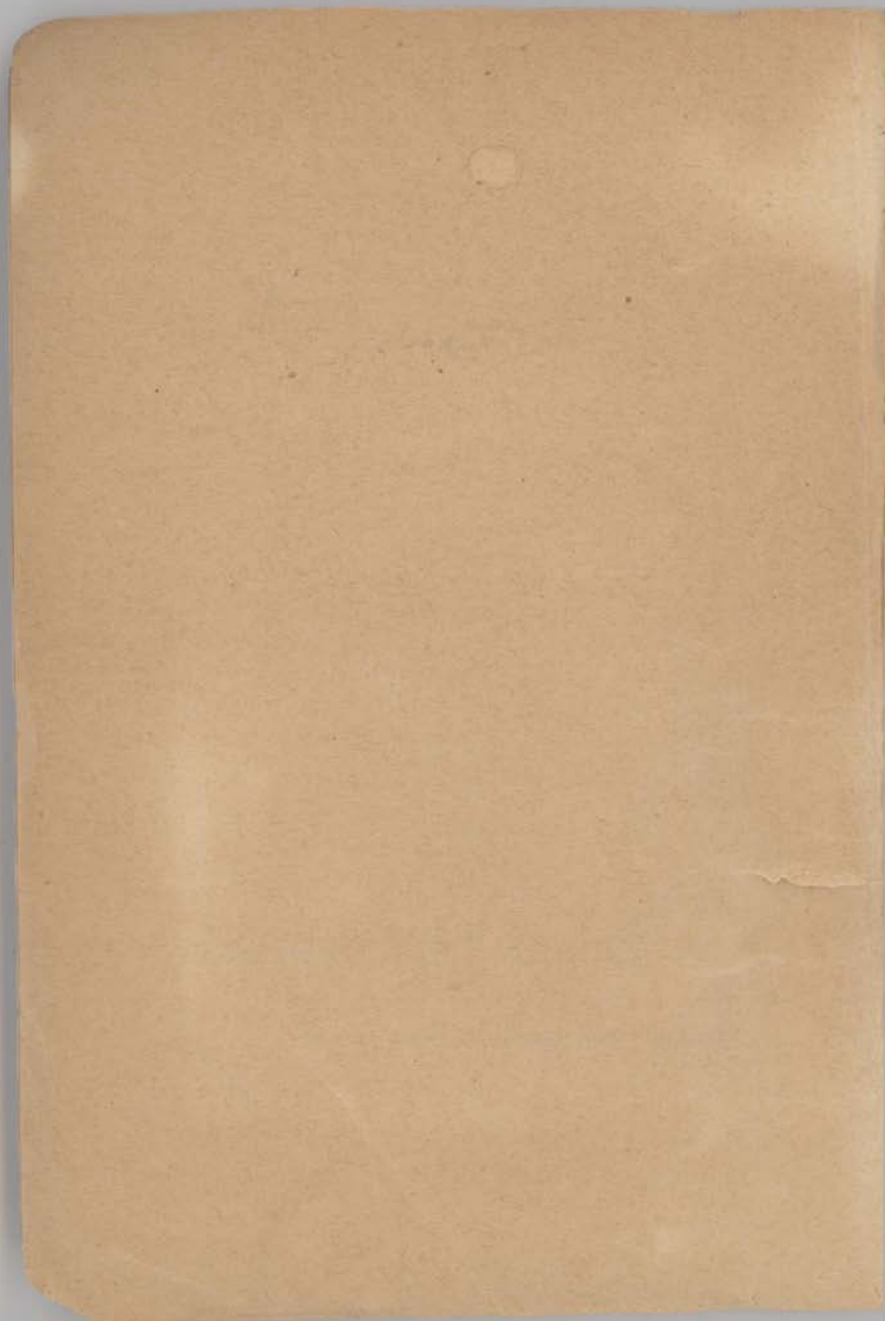
53

Игорь-Съверянинъ

Поэзы изъ цикла „Миррелія“.

ГАСТРОЛЬ ВААЛЬЯРЫ.

(„Ирисъ“, Масканьи).

Въ королевскомъ театрѣ
Ваальяру разсматривая,
Королева прослушала годъ нешедшую „Ирисъ“.
Авторъ самъ дирижироваль,—
И король игнорироваль
Потому платья новаго помрачительный вырѣзь.

Убаюканный тактами,
Развлекаемъ антрактами,
Проводимыми весело въ императорской ложѣ,
Быль Масканьи блистательный
Въ настроенъ мечтательномъ,
И Ея Свѣтозарности было солнечно тоже...

Королевскими просьбами
Привлеченная, гроздьями
Бриллиантовъ сверкавшая въ дверь вошла Ваальяра,—
Прима колоратурная,—
Вся такая ажурная,
Какъ изыски Бердслеевы, какъ berceuse'ы Годара.

И блестя, эполетами,
 Бонбоньерку съ конфектами
 Въ видѣ Леды и Лебеда предлагаетъ ей Эрикъ...
 Ваальера кокетничаетъ,
 А придворные сплетничаютъ,—
 Открыватели глупые небывалыхъ Америкъ...

Композиторъ признательно
 [Правда, очень старательно!]
 Ей цѣлуетъ подъ вѣромъ надушенную руку...
 А король комплиментами,
 Загораясь моментами,
 Угощаетъ дающую крылья каждому звуку...

Королевой же ласково
 [Что тамъ скрыто подъ маскою?..]
 Ободряется пламенная отъ смущенья актриса...
 И, полна благодарности,
 Даръ Ея Свѣтозарности—
 Примадонна пришила къ лифу вѣтку ириса...

БАЛЛАДА I.

„Баллада Рэдингской тюрьмы“—
 Аккордъ трагическій Оскара:
 За фейерверки кутерьмы
 Она прощеніе и кара...
 Подбитое крыло Икара...
 Обрушившійся Вавилонъ...
 Восторгъ запретовъ Гримуара...
 И онъ все тотъ-же, да не онъ...

Что значать сильные умы
 И вся окрылость ихъ удара?
 Весны не видѣть средь зимы...
 Изъ моря не извлечь пожара...
 Не нѣжить зайцу ягуара...
 Не опрокинуть небосклонъ...
 Одинъ-ли былъ? Была-ль ихъ пара?
 Но онъ все тотъ-же, да не онъ.

Свѣтъ міра есть частица тьмы.
И тьмы губительная чара.
Зло сулемы, сумы, чумы!
О тягость чернаго кошмара!
Лилить, Годива и Тамара,
Ахъ, кто изъ васъ не угнетень?!..
Монахъ надѣлъ мундиръ гусара,—
И онъ все тотъ-же, да не онъ.

Въ Уайльдѣ есть черты Эмара,
Уайльдъ въ Эмарѣ отражень.
Такъ пой-же, пой-же, Ваальяра,
Что онъ все тотъ-же, да не онъ!..

БАЛЛАДА II.

Балладъ я раньше не писалъ,
Но Ингридъ филигранить надо
То въ изумруды, то въ опаль,
И вотъ о ней моя баллада...
Какая странная услада
Мечтать о ней, писать о ней:
Миррэлія—подобье сада,
А я—Миррельскій соловей.

Внеси, читатель, свой фіаль:
То—возрожденная Эллада!
И не Элладу-ль ты искалъ
Въ бездревныхъ дебряхъ Петрограда?
Ну что-же, вотъ тебѣ награда:
Даю тебѣ край свѣтлыхъ фей.
Кто ты, читатель,—знать не надо,
А я—Миррельскій соловей.

Дала однажды Ингридъ балъ:
Цвѣла вечерняя прохлада;
Фонтанъ, какъ сабли, колебалъ
Серебруструи; винограда
Дурманъ для торжества парада.
Легко кружился средь гостей
Я пѣлъ, и было сердце радо,
Что я—Миррэльскій соловей!..

Въ моей балладѣ мало склада,
Въ ней только трели—изъ вѣтвей.
И ты, быть можетъ, ищешь стада,
А я—Миррэльскій соловей!...

БАЛЛАДА III.

Десятый день ея корветъ
 Плыветъ среди полярной сини.
 И нѣтъ все пристани,—но нѣтъ
 На кораблѣ ея—уныній...
 Ахъ, въ поиски какой святыни
 Она направила свой путь?
 Ахъ, грезы о какой богинѣ
 Сжимають трепетную грудь?

Не прозвучалъ еще отвѣтъ,
 Но неувѣренныхъ нѣтъ линій
 Въ пути руля: сквозь мракъ, сквозь свѣтъ
 Плыветъ корветъ, подъ всплескъ—то линій,
 То осетровый... И павлиній
 Узорный вѣтеръ опахнуетъ
 Спѣшитъ ея... Волшба Эринній
 Сжимаетъ трепетную грудь.

О, королева, ты—поэтъ!
Источникъ ты среди пустыни!
Твой чудодѣйный амулетъ
Хранить тебя средь бурь, средь скиній...
На палубѣ сребрѣть иней
И голубѣть онъ чуть-чуть...
Но вотъ—мечты о миломъ сынѣ
Сжимаютъ трепетную грудь.

Забить-бы о вѣтрахъ, о минѣ,
Корветъ обратно повернуть...
Вѣдь тамъ весна,—она, въ жасминѣ,
Сжимаетъ трепетную грудь...

БАЛЛАДА IV.

Она катается верхомъ
Почти всегда ежевечерно.
Ея коня зовуть конемъ
Совсѣмъ напрасно: онъ—какъ серна.
И то вздыбаясь кордильерно,
И то почти прильнувъ къ землѣ,
Онъ мчитъ ее неимоверно,
И тонетъ бѣгъ коня во мглѣ.

Бываетъ: Ингридъ надъ прудомъ
Въ лѣсу, гдѣ ветхая таверна,
Его придержить и потомъ
Любуется собой венерно
Въ прудѣ, какъ въ зеркалѣ; конь мѣрно
И жарко дышитъ; на скалѣ
Дозорить солнце—все-ли вѣрно,
И тонетъ солнца ходъ во мглѣ.

Стэкъ, оплетенный серебромъ,
На мигъ взовьется, вздрогнувъ нервно,
Скакунъ несется вѣтеркомъ.
И королева, камамберно
Глумясь надъ крестникомъ изъ Берна,
Глазъ практикуетъ на орла,
Ружье прицѣлено примѣрно,
И тонетъ летъ орла во мглѣ.

Душа—прозрачная цистерна,
Почило солнце на челѣ.
И все-таки,—какъ то ни скверно,—
Потонетъ жизнь ея во мглѣ...

БАЛЛАДА V.

Эльисса бѣгаетъ съ пажомъ,
 Гоняя шарики крокета.
 О пажъ, подстриженный ежомъ,
 И ты, о дѣвушка-ракета.
 Его глаза, глаза кокета,
 Эльиссу ищутъ и хотятъ.
 Вѣдь лѣто, наливное лѣто,
 Струить въ юнцовъ любовный ядъ.

Что дѣлать юношамъ вдвоемъ,
 Разъ изъ двоихъ изъ этихъ—эта
 И этотъ—на лицо, причемъ
 У каждого и кровь согрѣта.
 Какого можетъ ждать отвѣта
 Вопросовъ тѣла пьяный рядъ,
 Когда одинъ намекъ запрета
 Струить въ юнцовъ любовный ядъ.

Мигнула молнія, и громъ
Прогрохоталъ заодно гдѣ-то,
И лѣсъ прикинулся шатромъ...
Они въ шатрѣ. Она—раздѣта.
Ея рука къ дождю воздѣта.
А дождь, какъ нѣкій водопадъ,
Глуша, что мною не допѣто,
Струить въ юнцовъ любовный ядъ.

Маркизы Инетрѣ карета
Свезла промокшую назадъ.
Пажъ вновь, при помощи сонета,
Струить въ нее любовный ядъ.

ЭПИТАЛАМА ИНГРИДЪ.

Какъ нѣкогда Балькисъ стремилась къ Соломону,
Я къ Эрику неслась на парусахъ души.

Я видѣла во снѣ полярную корону

И ледяной дворецъ; и музыку тиши

Я слушала, дрожа, предчувствіемъ томима,

Предчувствіемъ того, что вѣчно буду съ нимъ.

И вотъ сбылся мой сонъ: я королемъ любима!

И стала я его! И сталъ король моимъ!

О, какъ-же мнѣ воспѣть вѣнецъ моихъ стрем-
леній,

Вѣнецъ моей любви и торжества вѣнецъ?

Я славлю царство льда, фіордовъ и оленей,

Любовникъ мой! мой братъ! товарищъ! и отецъ!

Я славлю бѣлый край, въ которомъ ты корольишь,

И подношу я въ даръ тебѣ свою страну,

Молю тебя, какъ ты одно лишь небо молишь:

Владѣй мной цѣликомъ! люби меня одну!

Рабою припаду къ блистательному трону,—

Цѣлуй меня иль бей, ласкай иль задуши!

Подобна я Балькисъ, какъ Эрикъ—Соломону,

Душа моей мечты, мечта моей души!

КЕНЗЕЛЬ III.

Яхта Ингридъ изъ розовыхъ досокъ грушъ ком-
 фортабельна,
 Ренессансно отдѣлана и шелками, и бронзою,
 Безобидная внѣшностью, артиллеріей грозная,
 Стрѣльчатая, какъ ласточка, какъ порывъ мон-
 стріозная,
 Просто вилла плавучая, но постройки кора-
 бельной.

Королева названіе ей дала поэтичное:
 „Звонъ весенняго ландыша“, — правда, чуть
 элегичное?
 Яхта Ингридъ изъ розовыхъ досокъ грушъ ком-
 фортабельна
 И эффектна при мѣсяцѣ, если волны коричневы
 Съ темно-красной полоской, лучиками ограбель-
 ной...

Если небо затучено, и титаново-сабельный
 Путь сафирно-излученный обозначится на морѣ,
 Яхта вплавь снаряжается и, въ щебечущемъ юморѣ,
 Королева готовится къ путешествію по морю
 Въ быстрой яхтѣ изъ розовыхъ досокъ грушъ
 комфортабельной.

КЕНЗЕЛЬ IV.

Въ ея будуарѣ такъ много нарциссовъ,
Китайскихъ фонариковъ радуга свѣтовъ,
И яркихъ маркизовъ, и юныхъ поэтовъ,
Сплетающихъ Ингридъ гирлянды сонетовъ,
И аплодисментовъ, и паузъ, и бисовъ...

И блеска улыбокъ, и фразъ окрыленныхъ,
Желаній фривольныхъ и взоровъ влюбленныхъ
Въ ея будуарѣ, въ лученъи нарциссовъ,
Такъ много, такъ много... и глазъ упоенныхъ
Весеннихъ поэтовъ и блестящихъ маркизовъ!

И фрейлина царя—принцесса Эльбисса—
Женѣ моей какъ-то въ интимной бесѣдѣ
Повѣдала нѣчто о знатной миледи
И пылко-влюбленномъ въ нее правовѣдѣ,
Но... *то* въ будуарѣ, гдѣ много нарциссовъ!...

КЕНЗЕЛЬ V.

Федору Сологубу.

Однажды прѣхала къ Ингридъ Ортруда
Съ Танкредомъ и Афрой на легкомъ корветѣ.
Въ тѣ дни беззаботно дышалось на свѣтѣ...
Войной европейской пугались лишь дѣти...
Итакъ—на корветѣ изъ дали *оттуда*...

Представила гостя царицѣ Танкреда,
Чье имя для женщинъ звучало: „Побѣда!“
Зачѣмъ-же прѣхала къ Ингридъ Ортруда?...
Да такъ; отдохнуть отъ интригъ, какъ отъ бреда,
Взять моря и соли его изумруда...

О чудное диво, о дивное чудо!—
Миррэлія сходна съ ея островами!...
Она ей разсказана странными снами...
—Вы съ нами!—сказалось. Отвѣтили: „съ вами“...
Такъ вотъ какъ прѣхала къ Ингридъ Ортруда.

ПРОГУЛКИ ИНГРИДЪ.

Ингридъ любить прогулки на орѣховомъ бригѣ,
Ежедневно пускаясь въ бирюзовые рейсы.

На кормѣ—эдельвейсы
И качалка, и книги:

Маллармэ и Сенкевичъ, Пшибышевскій и Стринд-
бергъ.

Шелковые закладки. Переплеть изъ сафьяна.

Какъ читаетъ ихъ пьяно
Фьолеглазая Ингридъ!

Фьолеглазая Ингридъ! Эти взгляды—какъ сабли!
Въ нихъ сердца утопали, какъ любовные грузы.

И цѣлуютъ медузы
Дно стальное кораблье.

Стаятъ злыя акулы, и взлетаютъ дельфины.

Но Ея Свѣтозарность замечталась въ лонгъ-шезѣ

И читаетъ въ поэзѣ
Про былыя Афины.

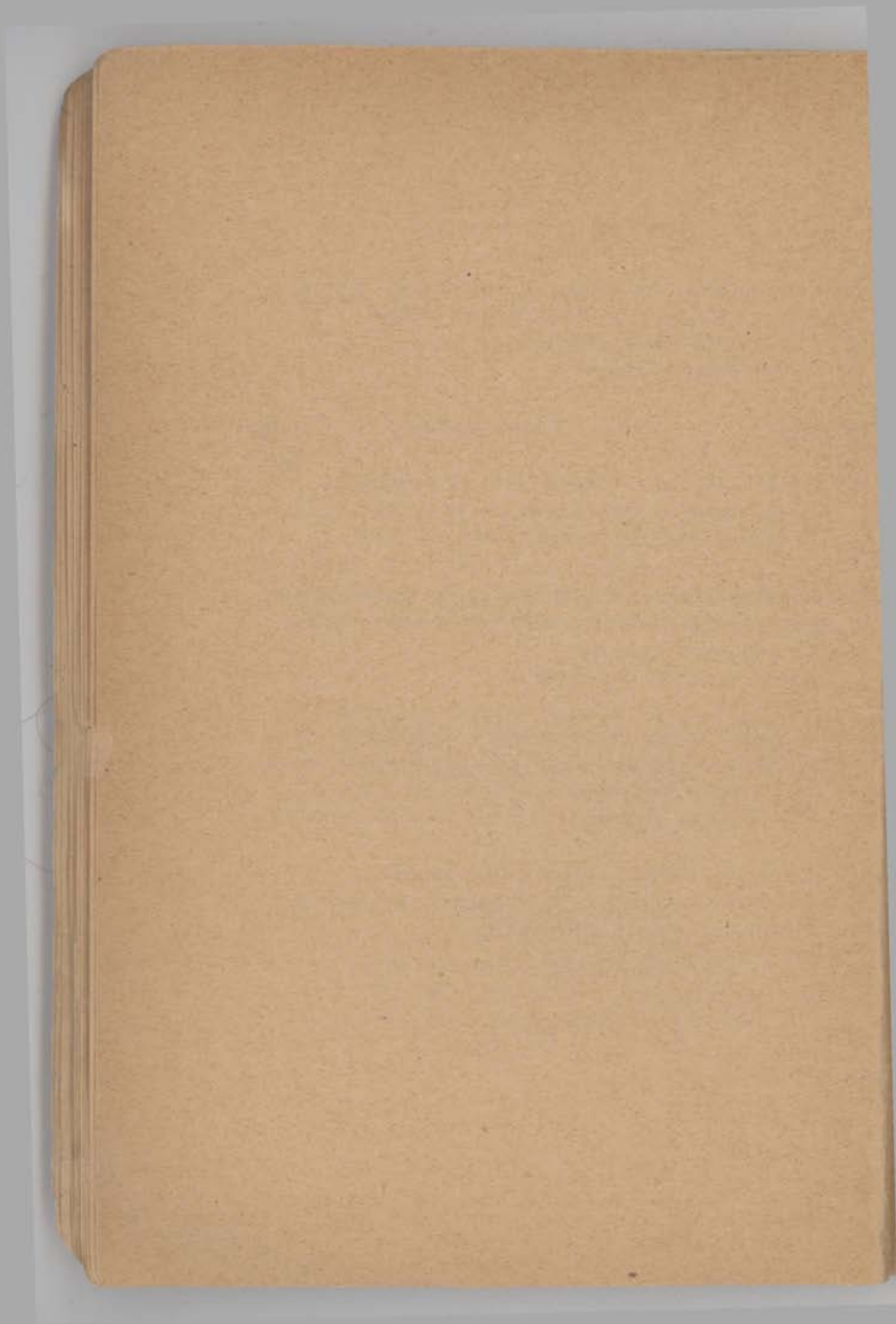
Или палевыхъ писемъ кружевные интриги

Съ королемъ, улыбаясь, разбираетъ въ шкатулкѣ...

Ингридъ любить прогулки
На орѣховомъ бригѣ.

Им. „Бѣльскъ“.

Лѣто 1916 г.

Георгій Шенгели.

И сладостно шумятъ таврическія волны.
ПУШКИНЪ.

Вдали расплавленно-топазовая
величественная рѣка
колышитъ, въ зеркалѣ показывая,
павлиновыя облака.

Горятъ серебряными блюдечками
кувшинокъ пышныя цвѣты.
Иду, помахивая удочками,
на обомшѣлые плоты.

Невнятные, неутоляемые
въ душѣ томленія плывутъ,
и облачки, волной качаемыя,
въ невозвратимое зовутъ.

Зовутъ въ эпохи знойно-пурпурныя,
въ разгулы молодой земли,—
когда слоновъ рычанья рупорныя
во влажномъ воздухѣ цвѣли.

Когда вотъ я, ночлегъ отыскивая,
впервые подбѣжалъ къ рѣкѣ,
и смуглою рукой разбрызгивая
волну, у скалъ прилегъ въ песокъ.

И, о своей не зная молодости,
какъ воздухъ, молодо дышалъ,
не видя въ будущемъ расколотости
несокрушимыхъ этихъ скалъ...

И снова, эту быль показывая,
меня волнуютъ облака
и нѣжить гаснуще-топазовая
величественная рѣка.

Два зеркала дымно серебряныхъ медленнымъ
въ небѣ сливаются взглядомъ:
безмѣрно, повторно я ѣду по бѣлымъ пуши-
стымъ лѣснымъ амфиладамъ.

Тяжелые хлопья летятъ, повторяя движенья мои
и томленья,
и тихо, такъ тихо шуршитъ по сугробамъ саней
моихъ шкура оленья.

Шуршитъ по сугробамъ... Серебрянымъ гро-
бомъ безвыходны бѣлые своды,
и пусто, и бѣло въ просторахъ безвольныхъ
безвольной ненужной свободы.

И гаснуть за небомъ, за матовымъ небомъ, хо-
лодные бѣлыя струны,
и въ сумракѣ сизомъ всплываютъ и плачутъ, и
плачутъ, и вѣютъ Кануны.

И вѣчно, безвольно, спокойно и бѣло влачусь
по лѣснымъ амфиладамъ:
два зеркала дымно-серебряныхъ въ небѣ встрѣ-
чаются медленнымъ взглядомъ.

За кормой воздушной бригадины
 расплылась муаровая лента:
 выцветшая въ радостную зелень,
 темныхъ волнъ всплываль ультрамаринъ.
 Въ золотъ заката лиловѣли
 дальніе обрывы Фиолента.
 Вѣтерки овѣяли вантины
 музыкой далекихъ окаринъ.

Много миль дрожала лента бѣга,
 вставшія въ себѣ колебля звѣзды,
 добѣжавши, къ берегу прильнула,
 исчезая въ бархатъ песка.
 Сладкія таилъ томленья воздухъ,
 неумолчные звучали гулы,
 и сіяла голубая Вега
 пламенемъ благого Маяка...

...Вотъ сейчасъ на васильковомъ небѣ
 расплылись жемчужной полосой
 облачки, скользящія несмѣло,—
 плаванья легчайшіе слѣды..
 Чье-же судно тамъ прошелестѣло,
 перловой побрызгавши росой?
 И когда волны вспѣнный гребень
 оплеснетъ меня лучомъ звѣзды?

Снаружи мерцаетъ на мѣди
восьмилучевая звѣзда.
Какъ изморозь, матово-бѣло
сіяетъ внутри серебро.

На стержнѣ двуглая стрѣлка,
бѣло-черная, зябко дрожить:
гладкій кружокъ рубина
посрединѣ вдѣланъ въ металлъ.

Образъ тревожнаго духа—
тускло-блестящій компасъ:
чернымъ глядитъ на сѣверъ,
бѣлымъ рвется на югъ;

хочетъ безмѣрнаго солнца,
жаждетъ полярныхъ авроръ;
попавъ на магнитный полюсъ,
тоскливо вертится вкругъ.

И все-таки,—зыбкій, случайный,—
ведетъ въ океанъ корабли!
Кто, владѣющій тайной,
создалъ его для земли?

Плывутъ силлабической мѣрой
глубокіе плачи віолъ:
восемнадцатаго brumaire'a
родился червонный орелъ.

Не бѣлѣютъ нѣжностью лилій
вновь чеканенные гербы;
развернуты тяжкія крылья
надъ магнитною бездною Судьбы.

Размѣренностью касаній
не ласкаетъ граненный рокъ:
безумью титанныхъ блистаній
пути вездѣ безъ дорогъ.

Но своимъ истекаетъ жаромъ
расплавленно-стальной болидъ.
Торжествуетъ надъ вольнымъ пожаромъ
спокойный и четкій магнитъ.

И нѣтъ развернутыхъ крылій,
и вновь, обвивая міръ,
цвѣтетъ обманностью лилій
властная алость порфирь.

---

* * *

Ник. Ал. Петрову и
Ал. Вл. Станиславскому.

Я помню яркій въ лѣтней дремѣ
на солнцемъ залитомъ пескѣ
уютный выбѣленный домикъ
въ уютномъ южномъ городкѣ.
Я помню: полъ, натертый воскомъ,
смоловый матъ по свѣтлымъ доскамъ,
медовый запахъ табака,
въ окнѣ—герани два горшка,
на стѣнахъ—выцвѣтшіе флаги,
въ углу—прекрасная модель
фрегата, скромная постель
за ширмой, на столѣ—бумаги,—
последній уголь моряка
въ тиши сонливой городка.

Морякъ,—старикъ подъ девяносто,
но свѣжій, молодо-живой,—
всегда привѣтливо и просто,
встрѣчаясь, говорилъ со мной.
Я былъ влюбленъ въ отѣнки моря,
мечталъ о пальмахъ, о Маори
и въ голубые вечера,
когда зеркальная игра
въ зеленой полутьмѣ купальни
блуждаетъ по изгибающійся стѣнѣ,—
съ печалью сладкой цѣпкій плѣнь
я чувствовалъ, и сумракъ дальній,
окутывающій проливъ,
струилъ волнующій призывъ.

Однажды,—въ заревой истомѣ,
надъ моремъ плыли облака,—
отправился я въ бѣлый домикъ,
въ манящій домикъ старика.
Онъ мнѣ обрадовался очень
и, хлопотливъ и озабоченъ,
чаекъ соорудилъ „съ ромкомъ“,
и такъ прекрасно мы вдвоемъ,
жуя варенье изъ инжира,
не зажигаючи свѣчей,
проплыли волны всѣхъ морей
отъ Гельсингфорса до Алжира
и только ночью въ два часа
свои убрали паруса.

И много вечеровъ въ бесѣдахъ
 провелъ я съ милымъ старикомъ.
 онъ говорилъ мнѣ о побѣдахъ
 и о „воздѣйствіи линькомъ“,
 о женщинахъ въ портахъ Китая,
 о томъ, какъ Вesperъ, выплывая,
 роняетъ въ воду алый щитъ,
 какъ море фосфоромъ горитъ,
 какъ ночь въ полуденныхъ широтахъ
 струитъ зодіакальный свѣтъ,
 о томъ, что флота больше нѣтъ,
 о альбатросовыхъ полетахъ
 и что „повѣрьте: я ужъ старъ,—
 лучше манильскихъ —нѣтъ сигаръ“.

Прошли года. Морякъ мой умеръ.
 Я—закопался въ груды книгъ,
 но гдѣ-то въ самомъ дальнемъ трюмѣ,
 былой мечты остался ликъ.
 И домикъ я купилъ знакомый,
 уединился въ немъ, влекомый
 неясной грезой. Свѣтло
 въ моихъ трехъ комнаткахъ, тепло
 и пахнетъ славной старой трубкой
 и такъ легко-легко —смолой,
 и я приютъ спокойный мой
 воображаю верхней рубкой
 на адмиральскомъ кораблѣ
 въ пути къ невѣдомой землѣ.

И вотъ пишу я эти строки,
ведя ихъ пушкинской строфой.
Онѣ—просты и неглубоки,
но я пресыщенъ глубиной.
Хочу о томъ, что повседневно,
сказать волнующе-напѣвно,
о тихой молвить красотѣ,
что поразвѣяна вездѣ,
о томъ, что полюбилъ я землю,
уютный домикъ, вечера,
мечты о прошломъ, что игра—
окончена, и я не внемлю
фанфарамъ запредѣльныхъ сферъ
и корчамъ сказочныхъ химеръ.

---

* * *

А. П. Прокопенко.

Изъ мягкаго бѣлаго шелка
на мнѣ шелестить сутана.
Шапочкой бѣлаго бархата
прикрыта моя сѣдина.
Лиловые яхонты четокъ,
хмуро мерцая и рдѣя,
виноградной гроздью повисли
на бѣлой тонкой рукѣ.

Тетрадь изъ плотной бумаги
цвѣта слоновой кости
кордуанской узорною кожей
драгоцѣнно переплетена.
Сухой изящной латынью
пишу короткія фразы,—
чеканенныя медали
изъ металловъ прошедшихъ вѣковъ.

Въ гулкой тиши Ватикана
слышу смутные шумы:
въ міръ и въ Городъ, — знаю, —
юныя орды встають.
Подымаюсь на бѣлую башню
и, старчески медля, съ балкона
новымъ urbi et orbi
благословеніе шлю...

Александръ Прокопенко.

Два цикла стихотвореній.

О. Г. С.

I.

Восторги сердца. Жизни сладость.

ПУШКИНЪ.

Я всѣхъ васъ такъ любилъ, какъ жизнь любилъ
сначала,

Повсюду находя и правду, и огонь,
И счастье юныхъ дней мнѣ много освѣщало
Веселыхъ битвъ и ласковыхъ погонь.

И пусть меня околдовало время
Пусть радуги померкли у грѣха:
Я женскихъ дружбъ несу волнуемое бремя—
О, легкихъ розъ—все тѣ-же вороха!

Въ альбомъ П. О. Б.-Б

Свѣже-срѣзанной липой
Пахли груди твои,
Бѣлымъ липовымъ тѣломъ
Распиленнымъ въ лѣтніе дни,

Когда горячее солнце
Выпиваетъ липовый сокъ,
И на бѣлый надрѣзь садится
Голубой мотылекъ.

Л. Н. У—вой.

Въ твоємъ саду гостить звѣзда,
Пока живутъ его цвѣты,
И вотъ, играетъ иногда
Звѣзда съ цвѣткомъ: какъ я и ты

Цвѣтокъ лукавить отъ души.
Душистъ и юнъ, дрожить въ росѣ;
Звѣзда, блестя, поетъ въ выси
Слова и пѣсни—но не всѣ:

Нѣтъ, пѣснь о томъ, что Богъ вездѣ,
О томъ, какъ звѣзды видятъ тьму
Она споетъ...—другой звѣздѣ,
А, можетъ быть, и никому.

О. В. К—но

Въ рѣкѣ, свозь мертвыя парчи,
Проталинка видна:
На этомъ мѣстѣ бьютъ ключи
Съ таинственного дна.

На днѣ души, гдѣ взоръ твой легъ,
Во льду забилъ родникъ,
Но льда расплавить онъ не могъ
И кверху не проникъ.

О. П. П—вой.

О, Вы скрытнѣе тонкой травки даже,
Уснувшей межъ вѣтвей колючаго шиповника,
Надъ нею ставшаго на стражѣ
Цвѣтами розы, иглами терновника.

На Васъ глядишь—и то ужъ осторожно,
Чтобъ юныхъ сновъ не испугать и взорами..
Я Васъ предчувствую,—а знать Васъ невозможно,
Какъ небеса безъ звѣздъ, но съ метеорами.

Э. Я. Радлов

Благословляю твой проворный карандашъ.
Изобразилъ онъ торсъ, какихъ на свѣтѣ малъ
О, дѣвственный животъ, теперь онъ вѣчно нашъ
Сей кабошонъ дышащаго опала.

Земная персть на службѣ красоты.
И линіи поютъ, и бѣлизна сверкаетъ...
У ангеловъ такіе животы,
Когда Господь на землю ихъ ссылаетъ.

Румяныя щеки блѣднѣютъ
У милыхъ любовныхъ подругъ,
И прелести за-живо тлѣютъ,
И падаетъ счастье изъ рукъ.

А я, неустанный, какъ время,
Скольжу золотистымъ лучомъ,—
И счастья, и мудрости бремя
Надменной душѣ нипочемъ.

Но жаль, что ни сладостью ласки,
Ни грезой нельзя—какъ нибудь,
Въ часъ вечера,— прежнія краски
На прежнія щеки вернуть.

---

*   *
*   *

О, печальный бальзаковскій возрастъ
У веселыхъ и дерзкихъ мужчинъ.
Горькой старости первый прообразъ —
Эти впадинки первыхъ морщинъ.

О, печальная, тайная нѣжность,
Въ разговорѣ съ кокеткой — увы!
Тамъ, гдѣ раньше сверкала небрежность,
Какъ надъ горной вершиной орлы.

Въ твердомъ тѣлѣ и сила, и гордость,
Въ ловкой волѣ и страсть, и размахъ.
Но зачѣмъ же и гордость, и твердость,
Если путь затерялся впотьмахъ.

Смѣлой жизни шумливое скерцо
Угасаетъ въ прощальный мотивъ,
И согбенное годами сердце
Спотыкается въ лѣсѣ могиль.

Нинѣ Андреевнѣ Ж—ской.

Въ эту ночь ты была, какъ дымокъ,
Отъ какого, не знаю, кадила,—
И вглядѣться въ твой ликъ я не могъ,
Такъ ты вся отъ земли уходила,—

И съ тобой говорить я не смѣлъ,
Такъ уста твои свято молчали,—
И улыбки понять не сумѣлъ,
Столько было въ ней сновъ и печали.

48208

* *
*

Идешь,—благословеніе неся,
И ласково глядишь, зовя, но не тревожа;
Ты смѣлая, ты завтрашняя вся,—
На душу ты мою минувшую похожа.

И, съ непорочнымъ молодымъ лицомъ,
Съ улыбкой рѣзвою и легкостью хариты,
Какъ ты свѣжа подъ царственнымъ вѣнцомъ,
Какъ дышать счастьемъ спокойныя ланиты.

А жизнь страстями отмѣтитъ нѣжный лобъ,
И смоютъ чистоту докучливыя грозы,
И только стихъ возьметъ въ живой хрустал
Твоей весны дѣвическія розы.

ный гроб

32637

* *

И. Г. С.

Полуземной любви чистѣйшая тревога
Не въ первый разъ въ душѣ моей горить,
Но въ первый разъ мнѣ сердце говорить;
Остановись,—что далѣ—не отъ Бога.

Случайно встрѣченный, какъ вѣчно-бирюзовъ
Благихъ очей твоихъ непобѣдимый зовъ:
Твоею красотою перевить
Моей судьбы страдальческую нить.

Кн. О. М. Ш—ской

Мы долго ждали Васъ на полудѣтскомъ балѣ
И вотъ, явились Вы средь милой суеты,
А на груди у Васъ—сквозь смерть благоухали
Мои недолговѣчные цвѣты.

Забыто все въ моихъ путяхъ минувшихъ
—И нагота блудницъ, и ласки грѣшныхъ дамъ
Но дѣтскихъ розъ, младенчески уснувшихъ,
Не разбужу—и смерти не отдамъ.

С о н е т ъ.

Онѣ проходятъ, опуская взоры,
 Запястьями и бусами звеня,
 И послѣ нихъ проносится, маня,
 Тлетворный духъ любви и мандрагоры.

Кто рыцарь, тотъ—пришпоривай коня
 И очищай отъ нихъ своей земли просторы.
 А ты—еще дитя, и слушай-же меня,
 Заслуживая рыцарскія шпоры.

Молись и не гляди,—молись и не внимай
 Ни пѣснямъ, ни мольбамъ.—У нихъ всѣ пѣсни
аживы.

У нихъ цвѣтовъ не возвращиваетъ май,

Но черныхъ змѣй холодные извивы.
 А рыцарь будущій, жемчужина жемчужинъ,
 Въ ихъ садъ грѣха на поруганье нуженъ.

Увы! рабыня изъ Милета,
Увы! предсмертная любовь! —
Она мои сѣдя лѣта
Мою медлительную кровь
Виномъ и ласками Эллады
На бой умѣла вызывать
И страстныхъ силъ живые клады
Въ поблекшемъ тѣлѣ открывать.

Но счастью нашему конецъ
Людская низость положила:
Мой братъ, развратникъ и наглець,
(Однако, въ званіи Эдила,)
Боясь потомства у нея,
Дрожа за братнее наслѣдство,
Купивъ раба, въ ея питье
Влилъ проданнаго Адомъ средства...

И смерть безъ краткаго „прости“
Сожгла ее перуномъ чернымъ.
Я думалъ къ Цезарю итти,
Но братъ мой взятки далъ придворнымъ.
Я проклялъ Римъ и произволь,
Ушелъ сюда, — гдѣ воздухъ чище, —
И молча жду, убойный воль,
Отравы брата въ горькой пищѣ.

II

Въ мерцаніи звѣздъ незакатныхъ.
ЛЕРМОНТОВЪ.

* * *

О, какъ она самоувѣрена,
Душа, сгорѣвшая въ огнѣ,—
Какъ все покойно и размѣрено
Въ испепеленной глубинѣ.

Она течетъ, огнемъ взлетѣвшая,
Въ вѣкахъ подъ сѣнью Божьихъ рукъ
И пепломъ рдѣетъ, не истаѣвшая
Ни отъ блаженства, ни отъ мукъ.

* *
*

Плывутъ міровыми безднами
Невыразимые Разумы,
Глядя очами звѣздными,
Улыбаясь огнями алмазными,

Слово нося несказанное
Съ неизрекаемой властью,
Все Мірозданье туманное
Пронзая Духовой ясностью.

Глядя очами звѣздными,
Улыбаясь огнями алмазными,
Плывутъ міровыми безднами
Невыразимые Разумы.

Отъ муки темной я' весь изломанъ,
И только сердце осталось цѣлымъ.
Горитъ все тѣмъ-же огнемъ знакомымъ
Огнемъ, какъ звѣзды—изсиня-бѣлымъ.

Вѣдь сердце знаетъ, что нерушима
Твердыня Агнца-Громовержца,
Что міромъ правитъ непобѣдимо
Нашъ братъ пресвѣтлый—тоже Сердце.

Э л е г і я.

Е. А. Деларю.

Усталый до горя, но вѣчный, какъ боги,
Смежаю глаза и въ себя погружаюсь,—
И вновь я на волѣ. Былыя дороги
Лежать предо мною, и я улыбаюсь.

Волшебствомъ улыбки ожившія губы
Лукаво слагають простую молитву,
И слышатся сердцу призывныя трубы,—
И сердце-охотникъ спѣшитъ на ловитву.

И въ море былого—подъ лучшія звѣзды
Уносится память быстрѣ орла,
И я вспоминаю, сквозь легкія слезы,
Какъ нѣкогда—въ мукахъ—душа умерла.

---

* * *

Е. И. Долинину.

Я не могу чужой улыбки видѣть
И самому въ отвѣтъ не улыбнуться,
Чтобъ чей-то праздникъ холодомъ обидѣть,
Отъ чьей-то радости недобро отвернуться.

И, если счастье я гдѣ-нибудь замѣчу,
Я медлю и смотрю, сочувствіемъ томимъ,
И руки-бы простеръ, какъ другъ, ему навстрѣчу
И отъ любви заплакалъ-бы надъ нимъ.

А. И. Бѣлецкому.

С е р д ц у.

О, висѣльникъ, повѣшенный въ груди!
Изъ лучшихъ странъ за нѣкій адскій грѣхъ
Ты изгнанъ былъ въ мое пустое лоно
И, пыткой паденья оглушенъ,
Пришелъ въ себя, на пару лѣтъ нетлѣнный,
Пришелъ въ себя на воющей цѣпи,
На воющей цѣпи въ нечистой мглѣ темницы,—
А подъ тобой лежатъ два призрачныхъ крыла,
Два сломанныхъ крыла когда-то вольной птицы.

Г. А. Шенгели.

Стою скорбя, какъ духъ могильный,
На перепутьи всѣхъ дорогъ.
Въ душѣ, видѣньями обильной,
Сегодня гдѣ ты, добрый Богъ.

Пустынѣ мукъ не вижу края,
И сердце молить — повернуть
Къ желанью, къ ласкѣ, счастью, раю:
На легкій путь, на лѣвый путь.

Изучать незнакомое,
Изоощряться познаниемъ.
Сердце, адомъ влекомое,
Возставлять обузданиемъ.

Душу грузную, сонную
Передѣлывать до-чиста.
Правду, въ сердце склоненную,
Возносить, какъ пророчество.

中 中 中

Молюсь-ли небу на свободѣ,
Борюсь-ли скорбью и постомъ, —
Я гость на небѣ золотомъ
Но свой и братъ въ земной природѣ.

И въ дымѣ жреческихъ курений
Во мглѣ молитвенныхъ аркадъ,
Цвѣтовъ у ложа наслаждений
Припоминаю аромать.

С о н е т ъ

В. Г. Бобыреву.

На добровольной пыткѣ распростерть,
 Горя огнемъ неугасимой вѣры
 И сразу чувствуя, когда лукавый чортъ
 Въ тайникъ души тащить бездушныя химеры,

Доселе не былъ я лукавъ и гордъ
 Въ начальныхъ опытахъ отшельничьей пещеры,—
 Но въ честь меня запѣлъ ликующій аккордъ
 И ярые стихи, какъ черныя пантеры,

Находятъ бѣдное убѣжище мое
 Ударомъ дивныхъ лапъ разламываютъ дверцу,
 А я колеблюсь взвить, какъ нѣкогда, копье,

Взять мечъ, когда-то страшный иновѣрцу,—
 И ужъ когтитъ меня прекрасное звѣрье,
 Въ разорванной груди ища дорогу къ сердцу.

Шампанская пѣсенка.

А. Ф. Кемперу.

Больно бьется жилка у виска;
Въ сердцѣ пьяная шампанская тоска;
За портъерами—звенить, не дозвѣвъ,
Южныхъ скрипокъ взвинченный напѣвъ...

Жизнь уходитъ. Впереди темно...
Нѣтъ! объ этомъ послѣ будетъ рѣчь,
А сейчасъ я просто пью вино
И сдуваю пудру съ бѣлыхъ плечъ.

Н. Р. Саввину.

Сердце трепетной лаской опутывая,
Благодатныя чары творя,
Всякій день, ввечеру, перламутровая
Въ мое сердце глядится заря.

Небеса надо мной разузоровая,
Озаряя и душу, и даль,
Золотисто-румяно-лазорева
Заревая мерцаетъ печаль.

И хоть въ жизни я все пилигримствую,
Гимны каждому Свѣту пою,—
У зари до звѣзды я заимствую
Свѣтловзорную мудрость мою.

Въ мое окошко меркнушая просинь
Глядитъ лукаво,
Зоветь на волю, въ золотую осень,
Гдѣ вянуть травы,

Гдѣ надъ землею туманъ проходитъ жуткій,
Гдѣ мѣсяцъ бѣлорогій
Поль-неба просвѣтляетъ ранней, чуткой
Хрустальною тревогой.

Тамъ ароматъ листовъ предъ увяданьемъ
И алая заря передъ ненастьемъ
Наполнять душу вдругъ и томнымъ сострада-
ньемъ,
И свѣжестью, и счастьемъ.

Солнце осеннее, солнышко пьяное
Въ яркой лазури отъ хмѣлю качается:
Спьяну не видить, какъ яблонь румяная,
Яблонь отъ яблокъ вѣтвями склоняется.

Темнаго вѣтра она дожидается,—
Онъ-бы отрясь ея вѣтви отъ бремени...
Жди тутъ, когда во хмѣлю не ко времени
Солнце въ лазури съ дороги сбивается.

Есть незаконченность въ грозѣ,
Есть гибель быстрая въ перунѣ:
Взгремѣвъ на громовой стезѣ,
Онъ проблисталъ—и гибнетъ втуне.

Иль то—великая душа
Своихъ пугается усилій,
И молнии сыплются, шурша,
Какъ перья изъ разбитыхъ крылій.

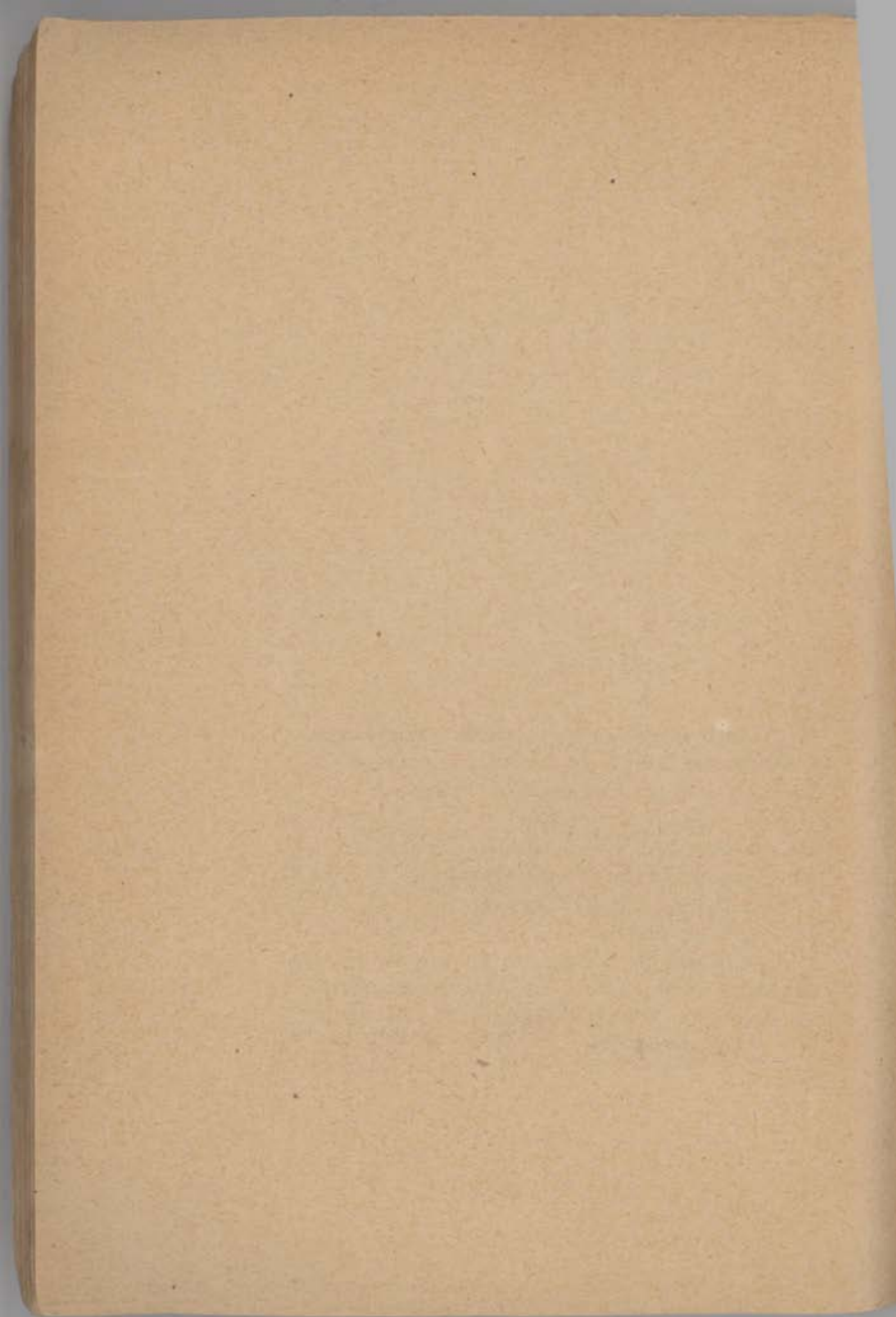

Въ шумѣ прибоя, въ хрустѣ каменьевъ
Слышится громъ боевыхъ колесницъ.
Волны ночныя сверкають задорно,
Волны играютъ огнями
Въ звѣздномъ уклончивомъ свѣтѣ.
Веселая пѣна ѣсть, разѣдаетъ
Потемнѣлыя сонныя скалы.

Море играетъ.

Въ черномъ просторѣ подъ самой водою
Звѣзды рождаются, въ небо восходятъ,
А свѣтлыя звѣзды бросаются въ море...

Море зоветъ.

Діонисъ Помренингъ.

Сегодня спокойный вечеръ,
Но ты зловѣщъ и немилъ:
За это я съ первой встрѣчи
Безумно тебя полюбилъ!

Съдья млечныя косы —
Твоей невѣсты краса...
Куда ты? — никто не спросить,
Провожая твои паруса.

И не дрогнетъ набать соборный
Когда, въ порожнихъ сѣтяхъ,
Съдой океанъ исторгнетъ
Бѣлый и крѣпкій косякъ: —

Вѣдь любой неполонъ молитвенникъ,
Въ любомъ не хватитъ листовъ,
Если плакать у каждой рытвины
И надъ каждымъ подгнившимъ крестомъ.

Зачѣмъ подходить, задавать вопросы,
Долго смотрѣть въ глаза?
Я вѣдь не знаю. Я безголосый —
Я въ бурю порвалъ голоса...

Я позабылъ, что было отъ вѣка, —
Всего не упомяну я.
Одной строкой убить человѣка —
Страшная власть моя.

Живу во дворѣ. Улетѣли птицы, —
Не могу, не могу догнать!..
Внизу наискось поетъ мастерица,
Грустить обо мнѣ у окна...

На звонницѣ тучь—я, какъ Иродъ.
Я, какъ Иродъ, смущенъ ожиданьемъ:
Кто-то явился для Міра,—
Я паду въ грозный часъ ихъ свиданья

Не пушу. Не хочу. Я—единственный.
Я властитель—я гряну въ набать.
Для Міра явился таинственный,
Свѣтозарь, а я золь и горбать.

Не пушу. Не хочу перемирія,—
Рабовъ моихъ копыя остры.
Я властитель. Единственный въ Мірѣ я,
Погашу, разбросаю костры.

И, клянусь виолеемскимъ погромомъ,
Я не буду обмануть, какъ Иродъ:
И желѣзомъ, и градомъ, и громомъ—
Того, кто явился для Міра!

Наслѣдили ушедшіе дни
Въ душѣ твоей звонкой и четкой:
Ты опять съ опрокинутой лодкой
Въ леденящихъ зубахъ западни.

Все короче и круче круги.—
Берега завертѣлись быстрѣе...
Подъ безумнымъ и острымъ бореемъ.
Все короче и круче круги.

Ты опять на скитанье влекомъ
Въ водовертяхъ обломковъ и досокъ
Прощѣтаешь твой каменный посохъ
Ядовитымъ и мертвымъ цвѣткомъ.

Каждый камень слезой ороси
По слѣдамъ, по дорогѣ къ Содому!
И, врѣзаясь въ качающій омутъ,
Ты винтомъ завертѣлся въ оси

---

* *
*

Выйдешь въ засаду лѣсную,
Въ заросляхъ скроешь коня,
Сядешь безъ словъ одесную
Чернаго, тухлаго пня;

Вечеръ обрюзглый нагрянетъ,
Сядетъ, мигающий, рядомъ;
Встанутъ изъ бездны міряне,
Выйдетъ вѣдунъ къ воронятамъ...

Ходить маревомъ пѣнистый дѣдъ,
Вьются дымомъ приемыши вѣтра...
— Только твой перепутанный слѣдъ
Изъязвилъ эти дальнія нѣдра!

Подъ луной прокричали грачи.
Съ ноябремъ повстрѣчался морозъ.
— Только ты ожидаешь въ ночи
Ледянящаго стука колесъ...

— Полно, не все-ли прошло?
Завершенъ твой поношенный обликъ;
И березы стоятъ, какъ оглобли...
— Полно, не все-ли прошло?

Обращается парусъ помѣченный
Въ ураганнаго бѣга орбитѣ:
Приходить, уходить, невстрѣченный..
Встрѣчайте,—скорбите, скорбите!

Примѣчайте грозовыя пятна:
Ураганъ набѣгаетъ неожиданно...
Цѣлуйте глубинно и жадно
Изрубцованный ликъ Океана...

Отдается въ глухомъ коридорѣ
Приходящій, гудящій галопъ:
Это зарево встало надъ моремъ,
Наклоня запекшійся лобъ...

Это дымчатый плещетъ халать,
Неладно изъ паруса скроенъ...
Это вѣтеръ, по своему радъ,
Топить горе въ точильнѣ промоинъ...

Будетъ горе острѣе меча
Въ ураганной желѣзной орбитѣ:—
Вотъ тогда-то, тогда поскорбите
Подъ рыданья и лай Скрипача!

---

* * *

Ты прости, если сердце захочетъ
Повстрѣчаться, какъ будто случайно:
Все короче тревожныя ночи
И въ очахъ возмущеннѣ тайна.

Все короче тревожныя ночи,
Но любовь неумна, какъ бубень,—
Для тебя я все тотъ-же, все тотъ-же:
Вѣчно молодъ и вѣчно безуменъ.

Ты прости, если сердце заплачетъ,
Если сердце запросить о встрѣчѣ,
Если смерть надо мной промаячить
И тоску утолить и залѣчить;—

Пощауетъ въ холодныя вѣки;—
Эти блѣдныя губы мнѣ любви...
Для тебя я навѣки, навѣки—
Тотъ-же смѣлый, ревнивый и глупый.

Нонче я слюбился съ ураганомъ стоновъ,
Нонче съ мѣднымъ сердцемъ прихожу на пиръ.
И въ удушѣ трюмовъ братъ мой у кингстоновъ
Ждетъ сигнальныхъ звоновъ, а не звоновъ лиръ.

Наше море пѣнно, пѣна горше яда,
Въ морѣ канонада!
Взметы смятыхъ смерчей обдають росю,—
Въ морѣ—кто съ косою?

Любо вѣдать взрывы, взмахи кистеней,
Любо заплетать роковые доводы,
И хватать въ удары перевивъ тѣней,
И кружить надъ Міромъ, какъ орлы и оводы...

Нонче я слюбился съ Океаномъ дикимъ,
Нонче мѣднымъ сердцемъ испиваю стоновъ.—
Если я поникну передъ Многоликимъ,
Братъ мой, будь великимъ въ трюмахъ у кинг-
стоновъ!

А. П.

Въ неміровомъ кабацкомъ шумѣ
Подъ старой вывѣской совы,
Поберегись Моихъ раздумій
И ледяной Моей любви:

Когда борей кружить песокъ
И замертвѣлый стонетъ въ трубахъ,—
Тебя въ пораненный високъ
Мнѣ цѣловать легко и любо.

Тамъ, гдѣ черные камни рубить и точить вода —
Силится выломить ставни воскресшій горилла
Адамъ.

Бьется, зовущій. У вѣтра хочетъ о Евѣ спросить,
Хочетъ желѣзныя нѣдра послѣдней слезой
оросить...

Рубить черные камни молніей каменныхъ глазъ, —
Силится выломить ставни, — еще и еще одинъ
разъ!

Въ глубяхъ познанье простерто: вспомнилъ за
что и когда, —
Понялъ угрозу и гордость, понялъ, о понялъ
Адамъ!

Все: — и ярость, и ужасъ — слились въ роковое
Одно.
Съ гуломъ срываются, рушась, желѣзныя глыбы
на дно.

Тамъ, гдѣ черные камни рубить и точить вода,
Въ кратерѣ сонномъ и давнемъ рыдаетъ горилла
Адамъ.

«Я сторукий витязь выюги. Я сторукий.
 «Я изъ дыма, я изъ бездны воспарилъ.
 «Я зажегъ пожаромъ клича грудь Старухи,
 «Разбудилъ мечты и муки трескомъ крылъ!

И на зовы отзывались всѣ кентавры,
 Всѣ воскресше титаны—Тартаръ весь:
 Всѣмъ имъ снились, зеленѣя, лавры—
 Всѣмъ имъ жребіемъ упало: «Здѣсь!»

—Здѣсь! На травахъ, въ сердцѣ міра, вотъ онъ,
 Долгожданный, нежеланный,—вотъ!

—Кто-бъ ни правилъ новымъ міромъ:

Діонисъ иль Вотанъ,—

Тонкій тополь не согнется у стоячихъ водъ!

«Дремный лѣсъ моихъ желаній, всѣхъ желаній,
 «Лаской вихря замутился и нахмурилъ мохъ:
 «Различайте шагъ медвѣдя, колыханья лани,
 «Громы бури, вольный хаосъ и послѣдній вздохъ!

— На осинѣ, на гранитѣ, вотъ онъ,—

Непреклонный и заблудшій,—Vir!

—Кто-бъ ни правилъ бѣгомъ солнца:

Діонисъ иль Вотанъ,—

Завтра праздникъ, завтра бубны и рука въ крови!

Приходи, какъ смерть приходитъ,
Поцѣлуй, какъ смерть цѣлуетъ,
На полянахъ, при народѣ
Вылей душу въ поцѣлуи,—

Покидай родное поле,
Приходи ко мнѣ пораньше:
Будемъ ярко жить на волѣ,
Какъ подъ бурей одуванчикъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИГОРЬ-СЪВЕРЯНИНЪ: Стр.

Гастроль Ваальяры	5
Баллада I	7
Баллада II	9
Баллада III	11
Баллада IV	13
Баллада V	15
Эпиталама Ингридь	17
Кензель III	18
Кензель IV	19
Кензель V	20
Прогулки Ингридь	21

ГЕОРГІЙ ШЕНГЕЛИ:

Op. I	25
Op. II	27
Op. III	28
Op. IV	29
Op. V	30
Op. VI	31
Op. VII	35

АЛЕКСАНДРЪ ПРОКОПЕНКО:

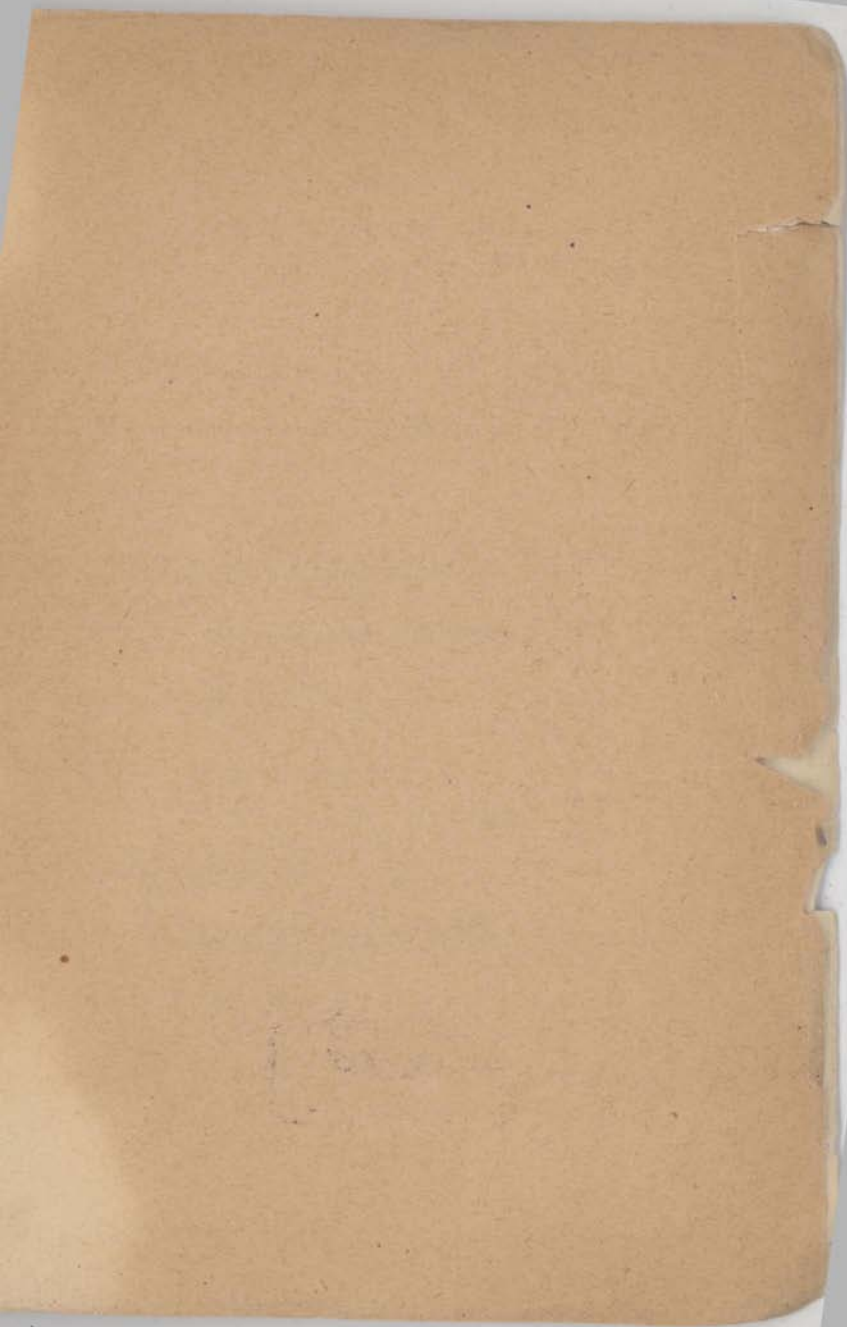
Стр.

Циклъ I	39
Циклъ II	53

ДЮНИСЪ ПОМРЕНИНГЪ:

Ор. I	73
Ор. II	74
Ор. III	75
Ор. IV	76
Ор. V	77
Ор. VI	78
Ор. VII	79
Ор. VIII	80
Ор. IX	81
Ор. X	82
Ор. XI	83
Ор. XII	84

LIBRARY OF THE

UNITED STATES DEPARTMENT OF AGRICULTURE

NO.

1000

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„L'OISEAU BLEU“
ПЕТРОГРАДЪ.

ГЕОРГІЙ ШЕНГЕЛИ:

Зеркала потускнѣвшія. (Распрод.).
Лебеди закатные. (Распрод.)
Гонгъ.

АЛЕКСАНДРЪ ПРОКОПЕНКО:

Собраніе стихотвореній. (Готовится).

ДІОНИСЪ ПОМРЕНИНГЪ:

Кости, стихи. (Готовится).

ВИТАЛІЙ РЫЖКОВЪ:

О себѣ самомъ и о мірѣ вообще. (Готовится).

ГЕОРГІЙ ШЕНГЕЛИ:

Русскій свободный стихъ. Изслѣдованіе (Готов.).
Два „Памятника“. Изслѣдованіе.